

Казахстан: этапы экономического прогресса за 100 лет

Л.А. ИВАНОВ, кандидат экономических наук, ТОО «Надежные высокие технологии», руководитель проектного офиса, Астана, Казахстан

Экономическое развитие территории современного Казахстана за последнее столетие являет многие образцы героических преобразований и драматических разочарований. Методически важен вопрос о корректном критерии периодизации столь протяженной истории изменений. На наш взгляд, им может служить только эффективность использования социальной энергии. Выявление закономерностей, прорывов и упущений в этой сфере позволяет увидеть новые социально-экономические перспективы.

Ключевые слова: население, элита, социальная энергия, производство, экспорт, импортозамещение, инфраструктура, занятость

Степной край или «хартленд»?

В Российской империи начала XX века степи нынешнего Казахстана (тогда его называли Степной край) не казались далекой окраиной. Железные дороги, речное судоходство и телеграф улучшали сообщение, а торговая и военная инфраструктура, иностранные концессии на Урале и Иртыше, переселенческое движение быстро меняли облик всех регионов необъятного степного пространства.

Казахстану в тот период предстояло принять участие в преодолении недостатка продовольствия, главным образом зерна, что и стало причиной поощрения переселенческой аграрной политики. Миллионы людей основывали новые села и города, несли в центр Евразийского континента непривычный образ жизни и хозяйственный уклад. Ощутимо улучшались земледельческие практики, в которые все глубже вовлекалось местное байство. Под земледелие отводились пастбищные угодья, что стало серьезно мешать отгонному скотоводству, дававшему более 2/3 валового производства Казахстана.

В 1916 г. Российской империи потребовалось мобилизовать резервы людей и коней для тыловых работ на германо-австрийском и турецком фронтах. Вспыхнувшие в связи с этим кровавые восстания были жестоко подавлены. Десятки тысяч переселенцев

и местных жителей погибли. Массовая откочевка верхушки байства в Китай, Иран и Афганистан привела к утрате основного богатства степей – миллионных табунов коней.

К началу Февральской революции ситуация в Степном крае и Туркестане была сложной. За 1916 г. население сократилось более чем на 10%¹. Бегство богатейшего байства резко снизило спрос на рабочие руки; мелкое байство не могло обеспечить ни занятость людей, ни их благосостояние. Экономические связи с Уралом, Поволжьем и Средней Азией ослабли.

Сразу же после крушения царской власти земли, ранее отобранные у местных жителей под сельскохозяйственные проекты, стали возвращаться под пастбища. В ходе долгой Гражданской войны захирели горные концессии, бездействовало более 80% предприятий промышленности, продолжилось обнищание населения. За границу переместились крупные группы богатого казачества, байства и дехканства, что на десятилетия подорвало производственный потенциал территории. Казахстан едва мог себя прокормить.

Поначалу натурализация степного производства отчасти поддерживалась советской властью, боровшейся против господства крупных феодалов. Во время Гражданской войны от продразверстки освобождались мелкие хозяйства скотоводов, что стало стимулом для аулов к пока формальному переустройству собственности, в том числе разделению скота между семьями. Стартовавшая в 1921 г. Новая экономическая политика (нэп) оживила торговлю, но мало помогла повышению продуктивности животноводства. поголовье товарного скота (основа народного богатства в степи) восстанавливалось слишком медленно.

Столь же слабые результаты дала земельно-водная реформа на юге. Беднякам передали пахотные земли казачьих войск и крупных землевладельцев, но для обработки этих земель не хватало орудий, тяглогового скота, посевного материала и агрономического опыта. Народ продолжал жить впроголодь.

Государственность создавалась в ходе трансформации административного деления. На территории Казахстана шло активное

¹ Здесь и ниже используется статистическая информация Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан, Министерства финансов Республики Казахстан и Национального банка Республики Казахстан.

формирование новых элит, преодолевались застарелые родовые и племенные различия, делился земельный фонд.

Земельно-водная реформа 1920-х гг. и нэп выявили трудно-предсказуемость реакции агропроизводства на ценовые стимулы (закупочные цены государства). Кроме того, предприниматели явно отдавали предпочтение торговле перед промышленностью. Разочарование в нэпе уже к концу 1920-х гг. привело к переходу на административные методы руководства экономикой, запустило волонтаристскую коллективизацию, подкрепленную массовым насилием.

На 1927 г. потребительская и производственная кооперация охватывала 23% крестьянских хозяйств Казахстана (ТОЗы, артели и коммуны – не более 8%). Кооперация успешно развивалась в полеводстве, но скотоводство – мелкие хозяйства с древними традициями выпаса, «распыленные» по степи, – оставалось практически не охваченным.

С 1928 г. в дополнение к добровольной кооперации началась жесткая кампания принудительной коллективизации. поголовье резко сократилось, и всего за пять лет Казахстан перестал считаться скотоводческой страной [Михайлов, 2002]. Отчасти это соответствовало чаяниям теоретиков ЦК ВКП(б): коллективные хозяйства виделись скорее как земледельческие и животноводческие, а не как скотоводческие.

Именно такое видение стало реальностью в течение следующих пяти лет. Созданные 200 совхозов и 6,9 тыс. колхозов получили технику, кадры механизаторов, агрономов, зоотехников и значительные финансовые вливания. Но убыль сельского населения долго не удавалось компенсировать (1917 г. – 5730, 1939 г. – 4441, 1959 г. – 5233, 1989 г. – 7071 тыс. чел.). Тем более что после тяжелейшего голода 1931–1932 гг. около 1 млн жителей покинули Казахстан (в том числе откочевали за кордон), а численность погибших, по некоторым оценкам, насчитывает свыше 2 млн чел.

На фоне упадка сельского хозяйства обнадеживающе выглядели успехи индустриализации Казахстана. В ходе довоенной индустриализации во многом осуществлялись проекты, задуманные еще при царской власти, например, Турксиб, создание предприятий цветной металлургии, топливной промышленности (уголь и нефть) и химии. К 1939 г. доля промышленности

в валовой продукции республики составляла 56,8%. При этом все крупные объекты возводились за счет инвестиций союзных комиссариатов, то есть Казахстан развивался как чистый реципиент индустриальных инвестиций, а его промышленная продукция (сырье и полупродукты), распределяемая центральными союзными хозяйственными органами, почти вся вывозилась в другие республики СССР.

Экономическая модель с доминированием внешних, централизованных инвестиций просуществовала вплоть до конца 1980-х годов и давала повод для суждений о неэквивалентном экономическом внешнем обмене Казахстана, о «колониально-сырьевом» развитии промышленности республики.

От войн к космическому порогу

С началом Великой Отечественной войны новые потоки вынужденных переселенцев захлестнули Казахстан. Помимо 532 тыс. эвакуированных прибыли более 1 млн депортированных (точных данных нет). Среди них было немало специалистов высшей квалификации. Приток качественных трудовых ресурсов позволил быстро нарастить выпуск продукции, особенно стратегического сырья (нефти и металлов). Перебазирование предприятий машиностроения ближе к богатым источникам сырья удешевило продукцию военного назначения и ускорило ее серийный выпуск. Благодаря дополнительным рабочим рукам в сельском хозяйстве на 17% расширились посевные площади.

При этом на фронт отправилось более 1,2 млн добровольцев и призывников, из них 700 тыс. чел. – в трудовую армию. Погиб каждый третий фронтовик. Демографическая обстановка сильно осложнилась.

Однако именно военный период «перенасытил» Казахстан специалистами во всех отраслях хозяйства, включая науку и культуру. Трудно переоценить ренессансное значение такой «прививки культуры» для дальнейшего развития республики. На территории республики произошел прорыв в области самых передовых технологий.

В 1947 г. было принято решение о создании Семипалатинского ядерного полигона, а в 1949 г. проведены первые испытания ядерного оружия. В 1955 г. начались работы на площадке космодрома Байконур, и уже в 1957 г. состоялись первые запуски

космических аппаратов. Очевидно, что никакой иной общественный строй, кроме советской власти, не мог обеспечить подобную концентрацию ресурсов, волевой порыв и готовность принимать высокие технические риски (повышенная аварийность на полигоне и космодроме приводила к жертвам среди специалистов и местных жителей; оба объекта опасно загрязняли окружающую среду, что вызывало массовые протесты со стороны населения).

Послевоенные годы характеризуются поисками эффективных масштабов агропредприятий и путей рационализации отраслевого управления. За 1945–1950 гг. количество сельскохозяйственных артелей (колхозов) сократилось с 6639 до 3670, при этом средние посевные площади хозяйств выросли в 2,3 раза, а поголовье скота – в три раза. К 1958 г. в результате реорганизации сети машинно-тракторных станций были созданы ремонтно-технические станции, а основную часть полевой техники передали колхозам.

Большое значение для Казахстана имело освоение целинных и залежных земель, начавшееся в 1954 г. Если до того зерноводство обеспечивало внутренние нужды, то впоследствии вывоз высококачественной пшеницы стал «визитной карточкой» республики. Для «залпового» подъема целины в Казахстан приехало 650 тыс. чел. (большая их часть вскоре покинула республику).

Перестройка управления промышленной и строительной деятельностью, предпринятая в 1957 г., осуществлялась на территориальной основе. В республике выделили девять административных регионов, в которых были созданы советы народного хозяйства. Совнархозы помогали в организации деятельности местных предприятий, производственных и сбытовых кооперативов, ремонтных и заготовительных контор и т.д. Благодаря их деятельности налаживались горизонтальные производственные связи, необходимые для выпуска товаров народного потребления.

Важнейшим процессом для нормализации социальных отношений и структуры занятости стало преобразование общесоюзной системы исправительно-трудовых учреждений (ГУЛАГ). На территории Казахстана действовали 11 лагерей с внутренними режимами различной степени строгости. Все они органично встраивались в региональные экономические системы, создавая и эксплуатируя крупные индустриальные комплексы.

Создание совнархозов оказалось тесно связанным с послевоенным изменением структуры инвестиций, массовой амнистией

1953 г., сокращением числа «политических» заключенных в исправительно-трудовых лагерях, а также с необходимостью переключения системы регионального управления на местные гражданские нужды и локальные экономические ресурсы.

Предел эффективности и качества

К 1960 г. Казахстан по различным причинам покинуло большинство специалистов, прибывших до и во время войны, а также для освоения целины. Рабочие руки остро требовались в разрушенных войной западных районах СССР, а также для развития Сибири и Дальнего Востока.

По всем областям Казахстана развернулось строительство жилья, в том числе с использованием промышленных методов. Несмотря на послевоенное сокращение продолжительности рабочей недели – с 48 ч в 1917–1940 гг. до 46 ч в 1959 г. и 41 ч в 1980 г., повысились денежные доходы населения, люди стали лучше одеваться и питаться. Холодильники, телевизоры, радиоприемники и магнитофоны в короткий срок изменили бытовые условия. Вместе с тем напряженность с потребительскими товарами сохранялась. Привычными оставались очереди за жильем, автомобилями, даже за книгами, были введены талоны на белый хлеб.

Казахстан окончательно перестал считаться отстающим аграрным регионом. Республика располагала диверсифицированной, многоотраслевой экономикой, расширявшей свои кооперационные связи с другими республиками СССР и странами социалистического лагеря. Промышленная продукция Казахстана, в том числе и отраслей тяжелого машиностроения, оказалась широко востребованной в целом ряде развивающихся стран. К 1967 г. огромная территория приблизилась по показателям промышленного производства к уровню передовых стран. Были построены новые города и железные дороги, воспитаны собственные кадры управления, обеспечены грамотность населения и широкие социальные права [Кан, 2011].

В сельском хозяйстве активно внедрялся хозяйственный расчет, но его применение в отраслях, критически зависящих от природных условий, не дало ожидаемых результатов. Текучесть кадров на селе оставалась высокой. Специалисты бежали из нерентабельных сельских предприятий.

В 1965–1970 гг. в рамках экономической реформы хозрасчет распространился на все отрасли материального производства, началось «встречное планирование», подкрепленное возвратом к отраслевому принципу управления. Иерархическое планирование (наряду с контролем цен) обостряло экономические отношения казахстанских предприятий с центральными советскими органами. Переход от планирования валовой продукции к реализованной не был методически подготовлен.

Тем не менее, несмотря на недостатки реформы управления, в 1970–1985 гг. объем валовой продукции промышленности вырос вдвое. Устойчивый индустриальный подъем обеспечивался нефтедобычей, а также совершенно новыми отраслями металлургии, тяжелого машиностроения, основной химии и газопереработки. Значительная часть машиностроения создавалась под оборонные нужды, но также энергично осваивалось производство сельскохозяйственных машин, горной и строительной техники.

Вместе с тем длительное время поддерживать столь напряженные темпы развития республика не могла. Для дальнейшего повышения уровня жизни населения и прогресса в тяжелой промышленности на экстенсивной основе, подразумевавшего опережающий рост сырьевых отраслей, оказалось недостаточно рабочих рук. В условиях высокой занятости населения рост производства и доходов стал сильно зависеть от повышения производительности труда за счет его механизации и энергонасыщения. Начали раскручиваться витки «гигантомании», то есть стремления к росту производительности аппаратов за счет увеличения их размеров. Такой путь развития вел к замыканию тяжелой промышленности «на самой себе», все большая часть материалов и труда требовалась для поддержания тяжелых отраслей. В итоге сформировалась негативная тенденция повышения материалоемкости национального дохода республики.

После 1980 г. валовой выпуск сельского хозяйства перестал расти. Наметился спад продуктивности полеводства и животноводства. Усилия по созданию промышленного кормопроизводства привели к удорожанию конечной продукции животноводства. Все это в немалой степени способствовало падению авторитета центральных, союзных органов власти в Казахстане.

Также поводом для сопротивления местных элит стали гонения на «теневиков». Хозяйственный механизм тех лет поощрял

торговую инициативу, предприимчивость, а географические условия и многоотраслевое хозяйство Казахстана предоставляли немало ниш для теневой деятельности. Но в условиях общенародной собственности на средства производства и уравнительной политики распределения доходов личное присвоение результатов торговли жестко пресекалось.

Следствием глубочайшего системного кризиса социалистического способа производства стал срыв исполнения пятилетних планов. Еще по результатам X пятилетки, девизом которой были объявлены «эффективность и качество», обнаруживались признаки стагнации. Заметное повышение эффективности и качества товарного производства на морально и физически устаревших основных фондах оказалось недостижимым. То же самое произошло с исполнением показателей XI пятилетки – ни ускорения, ни перестройки. Казахстан, не имевший полноценного местного производства потребительской продукции, испытывал острый товарный голод. Всеобщее недовольство вызвало введение талонов на товары народного потребления в 1987–1990 гг. для защиты интересов малообеспеченных слоев населения.

Фатальной ошибкой руководства СССР стала смена в 1986 г. партийного руководства в Казахской ССР, не поддержанная местными элитами. Хотя события выглядели как выступления казахской молодежи и их выдавали за проявления национализма, глубинные причины протестов оставались сугубо экономическими. Южная часть Казахстана традиционно трудоизбыточна. Долгое время постепенное сокращение продолжительности трудового времени при облегчении условий труда маскировало попытки избежать массовой безработицы, угрожавшей, в первую очередь, сельской молодежи, стремившейся в города за образованием и престижными рабочими местами. Вследствие сравнительно высокой рождаемости в казахских семьях угроза безработицы в сочетании с низкими темпами создания рабочих мест и непродуктивными инвестициями приобрели национальный колорит.

Подавление молодежных протестов стало сигналом к широким требованиям экономического суверенитета. Начались теоретические исследования по обоснованию хозяйственного отделения Казахстана от СССР.

Последним мегапроектом СССР на территории Казахстана стало строительство крупнейшей в мире ЛЭП постоянного тока

1150 кВ, связавшей экибастузский ТЭК с Алтаем и Уралом. На сегодня она функционирует в режиме ЛЭП 500 кВ переменного тока. Запланированное строительство ЛЭП 1500 кВ осталось незавершенным. Экономическая система оказалась неспособной реализовать имеющийся потенциал. Советские политические и хозяйственные элиты (как центральные, так и местные), переставшие регулярно обновляться, больше не могли генерировать корректные и масштабные социально-экономические идеи, деградировали и разлагались.

От миражей к независимости

Госплан Казахской ССР заблаговременно и настойчиво информировал руководство республики о многообразных тяжелых последствиях вероятного разрыва экономических связей с остальными республиками СССР. Поэтому в своем большинстве казахстанские элиты осознанно не стремились к обострению политических отношений и до последнего противились выходу из рублевой зоны. Ответственность за откровенное вытеснение Казахстана из привычного экономического и политического союза лежит на руководстве РФ.

На этом фоне к 1992 г. среди части казахстанских экспертов, глубоко разочарованных тупиковым состоянием социалистического строительства, широко распространились либеральные, неоклассические взгляды на процессы, происходящие в экономике. На базе Госплана Казахской ССР образовалось Министерство экономики Республики Казахстан. Проверенные практикой достижения советской экономической школы, концептуальные рекомендации марксизма – все оказалось в одночасье отвергнутым. Взамен предлагались упрощенные гипотезы, теоретические суррогаты ограниченного применения с хорошо узнаваемой политической отдушкой: Советский Союз рухнул оттого, что плохо управлялся. Давайте управлять по-новому, по-западному!

Вскоре стало заметно, что акцент на примитивных квази-бухгалтерских представлениях о национальных счетах (взамен концепции баланса народного хозяйства) дезориентировал отечественную статистику. Она не столько нацеливалась на задачи внутреннего управления, сколько помогала организовывать внешнее управление страной. Тем временем в казахстанском либеральном экспертном сообществе под влиянием безответственной

популистской пропаганды складывалось устойчивое заблуждение, будто природных ресурсов республики вполне достаточно для того, чтобы жить как страны Персидского залива или Северного моря, которым якобы достаточно добывать много углеводородов, чтобы, очень мало работая, жить очень богато.

Руководство экономикой с монетаристских позиций (в которое активно включились Всемирный банк и МВФ) в принципе не позволяло рачительно распорядиться высоким технологическим потенциалом Республики Казахстан, оставшимся с советских времен. Более того, по самым передовым отраслям пришелся основной, тщательно спланированный удар заокеанских экспертов и корпораций. Под программы конверсии попали атомные исследования и робототехника, среднее и тяжелое машиностроение, микроэлектроника и микробиология, основная химия и химия полимеров, геологическая разведка и легкая промышленность. В течение нескольких лет на металллом порезали и продали оборудование остаточной стоимостью в миллиарды долларов. Малые города Казахстана обезлюдели и стали разрушаться.

Поскольку к разбазариванию советского наследия охотно подключились сами «красные директора» и часть республиканского актива коммунистической партии, неизбежен вывод: элиты воспользовались своим положением в ущерб интересам населения Республики Казахстан. Национальная программа «глубокой» приватизации в четыре этапа ускоренно распределила тысячи государственных имущественных объектов в частную собственность. Населению достались семейное жилье и дачные участки, то есть то, что и так ему принадлежало де-факто. Новые, «капиталистические» элиты получили производственные объекты, главным образом, за счет кредитов местных банков (в том числе для скупки приватизационных купонов), то есть за счет сбережений населения. Самые привлекательные лоты – полсотни крупных сырьевых предприятий – достались иностранным инвесторам, хотя и за доллары, но за полцены.

К 1999 г. Республика Казахстан совершенно закономерно оказалась в тяжелейшем положении. По сравнению с 1990 г. индекс физического объема промышленности составил 47,5%, транспорта – 41%, сельского хозяйства – 54%, жилищного строительства – 14%. Сокращение квалифицированных рабочих мест вызвало массовый выезд населения за рубеж (2,9 млн чел.).

Сальдо внешней миграции составило 11,8%. Формально эмиграция выглядела как возвращение переселенных советской властью народов на свою историческую родину, причем много людей выезжали «в дальнее зарубежье», не надеясь на СНГ.

Приватизация привела к потрясениям, по социальному и хозяйственному драматизму не уступавшим коллективизации. Расцвела теневая экономика, включая неформальную занятость миллионов людей. Укоренилась система управления корпорациями через офшорные титульные компании. Государственный бюджет испытывал жесточайший хронический дефицит. Годами накапливались не выплаченные задолженности по заработной плате, пенсиям и пособиям. Цены товаров и услуг населению к 1999 г. выросли в 103,6 раза по сравнению с концом 1993 г., когда был введен в обращение тенге.

Подготовка к приватизации на селе привела к быстрому «проеданию» основного богатства степи. Поголовье крупного скота сократилось на 56%. В 1999 г. пропорция поголовья скота на душу населения оказалась даже хуже, чем после коллективизации и голода начала 1930-х.

Параллели с 1930-ми годами напрашиваются еще и потому, что в 1990-х, как и тогда, проводилась глубокие изменения административного деления Республики Казахстан. Из 19 областей упразднили пять. Столицу страны перенесли в г. Акмола (бывший г. Целиноград), позднее переименованный в г. Астана. Как и ранее, за масштабными административными изменениями, просматривались напряженности, нараставшие в отношениях региональных элит.

В значительной степени экономические трудности семи голодных лет конца XX века в Казахстане инспирировались внешними факторами, включая азиатский и российский кризисы. Затем последовали семь «тучных лет» начала XXI века, когда добыча нефти (включая газовый конденсат) возросла вдвое, а природного газа – почти в три раза. В Казахстан потекли немалые деньги, развернулось жилищное строительство, начала восстанавливаться инфраструктура. Скачок цен международной торговли энергоносителями создал серьезный инвестиционный пузырь, лопнувший в 2007–2008 гг.

Выяснилось, что скромные резервы Национального фонда, созданного в 2000 г., требовались для многих неотложных нужд.

Приходилось покрывать дефицит бюджета, да еще срочно помогать системообразующим банкам, опасно приблизившимся к планкам дефолта по краткосрочным внешним обязательствам. При этом появились явные признаки кумулятивного роста безработицы, обрушения покупательной способности населения и даже голода среди малообеспеченных слоев населения. Правительству Казахстана пришлось переходить в режим «ручного управления». Ставка делалась на укрепление государственного сектора, на стабилизирующую роль Национального банка Казахстана и национальных инфраструктурных компаний при контроле цен и тарифов, а также в обеспечении достойного качества жизни.

Кризис 2008 г. подтолкнул казахстанские элиты к пониманию того, что с либеральными иллюзиями в экономике пора заканчивать. Свободно-рыночные условия позволили быстро удовлетворить спрос на современные товары и услуги. Однако на деле «свободная конкуренция» оказалась вовсе не столь добросовестной, как обещали иностранные эксперты. Коррупция, рейдерство, обман покупателя и иные экономические преступления стали повседневностью. У населения Казахстана сформировалось устойчивое негативное отношение к олигархам и офшорным практикам уклонения от уплаты налогов. Трудовые отношения на предприятиях сырьевых отраслей все больше обострились.

Импортозамещение как принципиальный курс укрепления и расширения малого и среднего бизнеса оказалось практически недостижимым, несмотря на преференции казахстанским предпринимателям. Республиканские и местные институты развития, создававшиеся с 2002 г., не располагали достаточными ресурсами для перелома тенденции. В целом проблема своевременного создания рабочих мест при быстром росте численности населения не решалась за счет привлечения внешних инвестиций, стимулирования государственного сектора и повышения доли инвестиций в государственном бюджете. Требовалось расширение внутреннего спроса, включая повышение уровня потребления и создание новых подотраслей производства.

Следующий семилетний период послекризисного восстановления и роста (2009–2015 гг.) характеризуется повышенным вниманием руководства Казахстана к экономическому планированию

и осуществлением государственных мер индустриально-инновационного развития. К тому времени стала давать результат программа «Болашак» (зарубежная подготовка новых специалистов для различных отраслей, начатая еще в 1993 г., а впоследствии расширенная согласно Стратегии развития Казахстана до 2030 г.). В целом приток новых кадров позволил улучшить систему государственного управления: повысить конкурентность, результативность и подконтрольность, как на местном, так и на республиканском уровнях.

Престижность государственной службы стала одним из важнейших факторов стабилизации экономики современного Казахстана. Трудно найти заметных местных предпринимателей, не причастных лично или через близких родственников к работе органов управления.

На практике испытав различные степени внутриэкономической свободы, Республика Казахстан реставрировала систему управления, близкую к той, что сложилась 30 лет назад. Доминирующая партия «Нур Отан» сплотила предпринимателей и государственных чиновников, деятелей культуры и простых рабочих. В основном восстановлены практики экономического и финансового планирования, а также сквозной финансовый контроль. Созданы условия нетерпимости к коррупции, бахвальству и политической демагогии.

К 2016 г. экономический потенциал Казахстана ощутимо превзошел уровень 1990 г. Инфраструктурные отрасли – транспорт, связь, энергетика, торговля и прочие – претерпев глубокие, качественные изменения, развиваются динамично. Заметно подтянулись сельское хозяйство и сфера социальных услуг. Имеются достаточные трудовые ресурсы и действует система их массового обучения согласно передовым зарубежным стандартам.

Куда ведет многовекторный курс?

Политика совершенствования структуры хозяйства со стороны Правительства Республики Казахстан основывается на заимствовании наилучших мировых практик, зарубежного опыта управления финансами, государственными услугами, энергетикой, связью. В данное время перед Казахстаном стоит отнюдь не оригинальная (остальные страны также намерены укреплять свои экономики) задача вхождения к 2050 г. в клуб 30 наиболее

конкурентоспособных стран мира. При этом подразумевается, что подобный вполне посильный качественный прогресс, а по сути – разновидность догоняющего развития, не заведет хозяйственную систему в тупик с фейерверками самых передовых инвестиционных пузырей.

Опасения относительно предстоящих инвестиционных разочарований не напрасны, ибо ключевое влияние на устойчивость экономического роста в Казахстане оказывают цены международных рынков сырья, в том числе металлов, зерна и углеводородов. Иными словами, от своего векового положения «сырьевого придатка» страна пока не избавилась. Зависимость от экспорта и импорта стала даже заметнее. По сравнению с временами «развитого социализма» Казахстан производит намного меньше конечной продукции тяжелого и общего машиностроения, приборостроения, конструкционных материалов и даже метизов, отчего потребности в импорте машин, оборудования, ряда материалов и услуг для инвестиций сохраняются на высоком уровне.

Текущее ослабление конъюнктуры сырьевых рынков и изъятия из валютных резервов в бюджет государства привели к тому, что размер Национального фонда Республики Казахстан сократился с почти 77 млрд тенге в 2014 г. до 64,5 млрд тенге в 2016 г. Одна из причин, задающих размер Национального фонда (а заодно и регулирования размера бюджетного дефицита), состоит в том, что его активами управляют преимущественно иностранные финансовые компании на основании срочных мандатов. Стабилизация валютных резервов Правительства Республики Казахстан у нижнего, тактического предела вызвала снижение роста потребления и накопления. В свою очередь сокращение внутреннего спроса затормозило индекс физического объема ВВП у символической отметки 1,1%. Страну накрыла волна очередного глобального цикла, вполне «кондратьевского».

С точки зрения контроля макропоказателей модель краткосрочного регулирования (скорее, монетаристского типа) в Республике Казахстан имеет разумное число степеней свободы и достаточно действенные рычаги управления. Долгосрочные темпы роста ВВП не рассматриваются как основная цель социально-экономического регулирования. Неизбежные циклические сбои в поступлении инвестиций замедляют создание новых рабочих мест. Временный рост избытка свободных «рабочих

рук» не вызывает серьезного беспокойства в среднесрочном периоде, так как демпфируется условиями Единого экономического пространства, высокой трудовой мобильностью и мерами социальной поддержки.

Долгосрочная инвестиционная модель независимого Казахстана несколько отличается от советской. Внешние источники инвестиций диверсифицированы, что связано с многовекторной внешней политикой Республики Казахстан, позволяющей торговать со многими странами и привлекать зарубежные инвестиции из различных источников. Поскольку диверсификация сама по себе не повышает среднесрочную предсказуемость роста, при прогнозировании динамики сохраняется макроэкономический фатализм в духе меркантилизма. Он выражается в надежде государственного управления на то, что крупные и средние корпорации (особенно иностранные, экспортные) обеспечат собственное поступательное развитие и потянут за собой малый бизнес.

В качестве долгосрочной гарантии стабильных условий бизнеса нерезидентов при Президенте Республики Казахстан активно действует Совет иностранных инвесторов (на правах независимой ассоциации), в который входят 35 корпораций (многие из них – транснациональные, глобальные игроки). Иностранные инвесторы вполне позитивно оценивают способность экономики Казахстана за счет активного торгового баланса генерировать свободно конвертируемую валюту для текущего обслуживания внешнего долга, к слову, растущему во многом за счет деятельности именно корпораций-экспортеров.

Однако воздействие иностранных экономических интересов на устойчивость темпов роста производства и доходов не стоит преувеличивать. Зарубежные инвестиции не превышают 25% валовых инвестиций в Казахстане (на 2016 г.). Вдвое меньше расходов на обновление капитала покрывает государственный бюджет. Большая часть капитальных вложений осуществляется за счет средств предприятий и кредитов банков. После того как ряд крупных проектов с участием иностранного капитала превратились в долгострой, снизилось доверие к гарантиям зарубежных инвесторов.

После 2015 г. инвестиционные возможности и оптимизм резидентов ощутимо сократились вследствие более чем двукратного снижения обменного курса тенге. Как следствие среднесрочной

неуверенности обнажились межотраслевые и межрегиональные конфликты интересов, в частности между экспортерами и импортерами, находящие отражение в противоречивых акцентах отраслевых республиканских программ и подзаконных актов. Вокруг финансово-промышленных групп сформировались солидные монопольно-конкурирующие кластеры реального сектора (строительство, агробизнес) и торговли. Конкуренция из бизнеса просачивается в политическую сферу, создавая напряженность внутри казахстанских элит.

За последние годы в Республике Казахстан не наблюдаются серьезные успехи ни в сфере роста реальных доходов населения, ни в трудоустройстве молодежи и высокотехнологичной занятости. Недостаточна и загрузка производственных мощностей. Недоиспользование труда, наращивание прекариата заставляют обращать пристальное внимание на взаимодействие хозяйственных и политических элит. История последнего столетия обнаруживает тесную связь продолжительности руководства экономикой поколением элит с накоплением кризисных признаков в народном хозяйстве. Происходит закономерное, неизбежное истощение знаний, навыков, мотивации и энергичности каждого поколения элит. Именно к такому критическому состоянию приближается Казахстан.

Главный вопрос: какие новые смыслы развития готовы предлагать стране представители следующей смены управленческих и деловых элит? В это поколение элит отобраны те, кто воспитан уже при неокapиталистическом строе, и, находясь под влиянием либеральных идеологов, плохо отличают торжественно провозглашаемые рыночные свободы от тщательно скрываемой корпоративной вседозволенности, нередко готовы поступаться национальными традициями во имя краткосрочного публичного эффекта.

Наступивший этап экономического прогресса предлагает государственно-монополистическому хозяйственному механизму Казахстана комплексный крэш-тест. Придется все чаще действовать вне привычных гармонизированно-бюрократических практик «мировой» международной торговли и сталкиваться с жестким торговым патернализмом². Нужно обеспечить более

² Назарбаев Н. А. Послание Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева народу Казахстана. 31 января 2017 г.

продуктивную компланарность главных векторов развития: Go Global и Go Local. Следует готовиться к дальнейшему усилению давления социального фундаментализма, особенно в национальной и религиозной формах, на функции и структуру экономических институтов. Предстоит разбираться в информационно-технологических новациях, выделяя перспективные направления, заботясь о безопасности государственных, гражданских и корпоративных коммуникаций, а также о защите чувствительных данных.

Столетиями Казахстан существовал в неизменной парадигме, являясь местопребыванием народа и его культуры, крупной сырьевой базой, а также пространством международного торгового транзита. Будем надеяться, что новое поколение элит достойно ответит на предстоящие экономические вызовы, внесет нечто особенное, важное в развитие страны на новом этапе.

Литература

Михайлов В. Ф. Великий Джут: Документальная повесть. Астана: Аударма. 2002. 344 с.

Кан Г. В. История Казахстана. Алматы: Алматыкітап баспасы. 2011. 312 с.

Статья принята 04.09.2017.

Summary

Ivanov L. A., Reliable High Technology LLC, Astana, Kazakhstan.

Kazakhstan: Stages of Economic Progress for 100 Years

Economic development of the modern Kazakhstan territory for last century brings us the numeral samples of heroic transformations and dramatic disappointments. The question about correct criteria of so long history of changes division into periods is methodically important. We believe that the best criteria is the efficacy of social energy usage. Appropriateness, hitches and neglects exposition permit us to see the new social and economic perspectives.

Population; elite; social power; production; export; import substitution; infrastructure; employment

References

Michailov V. F. (2002) Velikiy Djut. Dokumental'naya povest'. Astana, Audarma Publ., 344 p. (In Russ.)

Kan G. V. (2011) Istoriia Kazakstana. Almaty. Almatykitap baspasy Publ. 312 p. (In Russ.)